

Для большай навочнасці з дапамогай праграмы «Microsoft Excel» паводле актаў №№ 117, 141, 147 [1, с. 183–184, 203, 207–208] была складзеная табліца № 1. Для пераводу звестак у метрычную сістэму быў выкарыстаны дапаможнік «Русская метрология» [2]. Аўтары адзначаюць, што ў Рускай цэнтралізаванай дзяржаве з другой чвэрці XVII ст. да 1679 г. чвэрць утрымлівала 6 пудоў жыта [2, с. 131]. Для жытняй мукі значэнне было 5 пудоў [2, с. 104]. Пуд утрымліваў 16,38 кг [2, с. 142]. Так была складзеная табліца № 2.

Таксама аўтары сцвярджаюць, што памер раздавальнай меры вагаўся ад 0,75 да 0,37 адносна прымальнай [2, с. 132]. У нашым выпадку вылічаныя значэнні стратаў збожжа пры захоўванні не прапарцыянальныя значэнням выдачаў ды адмоўныя, што ніяк не сведчыць аб меншым памеры раздавальных чвэрцяў адносна прымальных.

Літаратура

1. Беларускі архіў : у 3 т. / склад. З. Даўгяла. — Мінск : Інстытут беларускай культуры, 1927–1930. — Т. 3: Менскія акты. Вып. 1 (XV–XVIII ст.) / З. Даўгяла. — 1930. — 413 с.

2. Каменцева, Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. Учеб. пособие. / Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов — Изд. 2-е. — М.: Высш. школа, 1975. — 328 с.

Правовые основы концепции «обязанности защищать» в Учредительном акте Африканского союза

*Конколович Д. О., магистрант БГУ,
науч. рук. Зыбайло А. И., канд. юр. наук, доц.*

Учитывая имевшую место на африканском континенте неспособность ООН и Организации Африканского Единства вмешаться в случаях грубых нарушений прав человека, а также перед лицом угроз новых гуманитарных кризисов Ассамблея глав государств и правительств Африканского союза (далее — АС) включила право на вмешательство со стороны АС в его Учредительный акт [1]. Статья 4(h) Учредительного акта закрепляет «право Союза вмешиваться в дела государства-члена в соответствии с решением Ассамблеи в случае серьезных обстоятельств, а именно: военных преступлений, геноцида и преступлений против человечности». Таким образом, за пять лет до принятия концепции «обязанности защищать» на Всемирном саммите 2005 года [2] АС уже закрепил основные элементы данной концепции в своем Учредительном акте.

Так, во-первых, закрепляя право на вмешательство в серьезных обстоятельствах, АС признает, что государства несут основную ответственность за защиту своих граждан от серьезных нарушений прав человека, но когда они не желают или не в состоянии сделать это, ответственность должен нести АС. Таким образом, статья 4(h) Учредительного акта АС также основана на идее, что суверенитет предполагает ответственность государства за благополучие своего народа. Во-вторых, статья 4(h) определяет те же основания для вмешательства, что и концепция «обязанности защищать», за исключением этнических чисток.

Помимо этих сходств, существуют три основных различия между положениями статьи 4(h) и концепции «обязанности защищать». Во-первых, данная концепция применяется, когда государство явно не справляется с возложенной ответственностью, в то время как АС может вмешаться в дела государства с целью восстановления мира и безопасности с согласия на это государства-члена, или без такового. Во-вторых, статья 4(h) является юридически обязательной, а «обязанность защищать» представляет собой, скорее, норму мягкого права. В-третьих, статья 4(h) сформулирована как «право» вмешиваться, в то время как концепция «обязанности защищать» говорит об «обязанности реагировать». Вероятно, механизм реагирования на грубые нарушения прав человека был бы гораздо эффективнее, если бы статья 4 (h) закрепляла за АС такую обязанность.

В соответствии со статьей 4(h) решения о необходимости вмешательства в случае геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности принимает Ассамблея АС. В связи с этим возникает вопрос: не подрывает ли такая процедура вмешательства первостепенные полномочия Совета Безопасности ООН (далее — СБ) санкционировать применение силы? В соответствии со статьей 53 Устава ООН [3] подобные региональные действия всегда должны быть санкционированы Советом Безопасности. Более того, статья 103 Устава ООН гласит, что обязательства по Уставу ООН имеют преимущественную силу перед обязательствами по другим международным соглашениям. Таким образом, статья 4(h) не является юридическим основанием для военного вмешательства без санкции СБ в случае грубых нарушений прав человека.

Однако на практике одобрение *de jure* Советом Безопасности вмешательства в Либерию в 1990 году, которое имело обратную силу [4, р. 100], создало прецедент возможности вмешательства, осуществленного за рамками полномочий Устава. Позднее африканские государства признали, что вмешательство должно быть санкционировано СБ ООН, хотя при этом в ситуациях, которые требуют немедленных действий, санкция СБ может быть предоставлена позже [5]. Таким образом, что касается применения мер военного характера, в случае массовых нарушений прав человека в Африке решение о вмешательстве может принять либо СБ, либо АС с санкции СБ.

Литература

1. Constitutive Act of The African Union, 9 July 2002 // African Union [Electronic resource]. — 2002. — Mode of access: http://www.au.int/en/sites/default/files/ConstitutiveAct_EN.pdf. — Date of access: 04.01.2013.

2. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/1 (2005), 24 окт. 2005 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — 2005. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/487/62/PDF/N0548762.pdf?OpenElement>. — Дата доступа: 14.12.2012.

3. Устав Организации Объединенных Наций, 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — 2005. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter>. — Дата доступа: 09.01.2013.

4. Kuwali, D. Protect Responsibly: The African Union's implementation of article 4(h) intervention / D. Kuwali // Yearbook of International Humanitarian Law. — 2008. — № 11. — P. 51–108.

5. The Common African Position on the Proposed Reform of the United Nations: «The Ezulwini Consensus» Ext/EX.CL/2 (VII), 8 March 2005 // African Union [Electronic resource]. — 2005. — Mode of access: http://www.africa-union.org/News_Events/Calendar_of_%20Events/7th%20extra%20ordinary%20session%20ECL/Ext%20EXCL%20VII%20Report.pdf. — Date of access: 16.03.2013.

Дзейнасць інстытута земскіх начальнікаў у Расійскай імперыі (1889–1913 гг.)

*Кранівін В. С., магістрант БДПУ ім. М. Танка,
наук. кір. праф. Жытко А. П., д-р гіст. навук*

12 ліпеня 1889 г. імператар Аляксандр III падпісаў указ аб стварэнні інстытута земскіх начальнікаў. Галоўнай мэтай гэтага пераўтварэння было, згодна з афіцыйнай заявай, «стварэнне, у асобе земскіх начальнікаў, блізкай да народа, цвёрдай урадавай улады, якая ўнесла б парадак і заканамернасць у лад усяго сельскага грамадскага жыцця, няўкосна ахоўвала мясцовы земскі мір і садзейнічала павышэнню маральнага і гаспадарчага ўзроўня насельніцтва» [1]. Згодна з палажэннем аб земскіх участковых начальніках, кожны павет падзяляўся на земскія ўчасткі. Іх межы маглі быць зменены губернскай прысутнасцю, па прапановах губернатара, павятовага з'езду ці па хадайніцтву павятовага земскага сходу. Сярод асоб, якія маглі быць прызначаны на пасады земскіх начальнікаў, былі мясцовыя спадчынныя дваране, якія мелі адукацыю і вопыт знаходжання на дзяржаўнай службе [4, с. 510–511]. Як адзначаў рускі земскі дзеяч і публіцыст А. І. Новікаў, галоўнымі умовамі, каб быць земскім начальнікам, былі прыналежнасць да памеснага дваранства і адукацыя, нават неабавязкова вышэйшая [3, с. 93].